

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ

«ПРОЗРЕВАЮ В СЕБЕ ЕВРЕЯ»

ЗАМЕТКИ О ДАВИДЕ ТИХОЛУЗЕ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ

Давно меня занимал вопрос, на который я искал убедительный ответ. Известно, что Одесса дала миру многих прославленных писателей, музыкантов, художников. Город всегда был многонациональным, и в этом смещении этносов более столетия треть его жителей составляли евреи. И в литературе, родившейся в Одессе, "еврейская нота" (образ, возникший как отзвук "парижской ноты") звучала уверенно и мощно, достаточно вспомнить Владимира (Зеева) Жаботинского, Хаима-Нахмана Бялика, Исаака Бабеля, Эдуарда Багрицкого, наконец. Тем более в музыке — Петр Столярский, Давид Ойстрах, Эмиль Гилельс, Натан Мильштейн, Леонид Утесов...

А в живописи?

Конечно же, среди художников Одессы, начиная с 19-го, по 21-й век было много евреев. Но и Леонид Пастернак, и Соломон Кишиневский, и Юлий Бершадский в конце 19-го века — начале 20-го развивали традиции и русских художников-передвижников, и южнорусской художественной школы. Авангардисты, замечательные мастера

Теофил Фраерман, Амшей Нюренберг, Михаил Гершенфельд творили "новую утопию", оплодотворенную французским опытом, без оглядки на национальные корни. И только во второй половине XX века художники, обожженные трагедией Холокоста, словно начали прозревать...

Сразу же в памяти возникают два имени — Ефим Ладыженский и Иосиф Островский. Если первый, довольно рано покинувший Одессу, уже оглядываясь на нее и свое прошлое, в Москве, а потом в Израиле создал живописный миф о еврейско-бабелевской Одессе, то Иосиф Островский силой генной памяти вызвал к жизни "тени забытых предков", сотворил чудо возвращения в нашу повседневность цадиков и раввинов, людей Книги из еврейских местечек. Тематически их картины, как и ряд работ Люсьена Дюльфана, Зои Ивницкой, Юлии Гальперина, Иосифа Климана, были открытием духовной жизни этноса — еврейской составляющей Одессы. Именно тематически! А вот пластически — все та же верность универсальному космополитическому мироощущению всей современной мировой культуры.

И тут, мне показалось, я нашел ответ на вопрос, занимавший меня. Универсальность и космополитичность! Одесситы все 215 лет существования города ощущали себя гражданами мира. Европа преум-

ножилась Одессой даже в составе Российской империи, даже в составе Советского Союза. Идея ассимиляции здесь стала фундаментом здания, имя которому — Одесса... Отсюда и интернациональный художественный язык: импрессионизм как высшее достижение южнорусской школы, плоскостной кубизм, а затем и абстракция — курс наших авангардистов и неоавангардистов...

Так что же, третьего не дано? Исподволь, незаметно, в 19-м и даже в 20-м веке торили свою дорожку художники "еврейской ноты". Можно назвать имена Моисея Черешни, Юрия Зильберберга. Но, пожалуй, самым ярким открытием для меня стали картины художника Давида Тихолуза. Именно о нем можно с уверенностью произнести строку честнейшего и талантливейшего поэта военных и послевоенных лет Бориса Слуцкого — "прозреваю в себе еврея".

А впрочем, чтобы лучше понять живопись Давида Тихолуза, следует целиком прочесть это стихотворение.

*Созреваю или старею,
Прозреваю в себе еврея.
Я-то думал, что я пробился,
Я-то думал, что я прорвался.
Не пробился я, а разбился,
Не прорвался я, а сорвался.
Я, шагнувший ногою одною
То ли в подданство,
То ли в гражданство,
Возвращаюсь
в безродье родное,
Возвращаюсь
из точки в пространство.*

Вот это ощущение, точно сформулированное в предпоследней строке, объединившей противоречие — "возвращаюсь в безродье родное", и определяет мое восприятие всех работ Давида Тихолуза — будь то пейзажи Одессы, портреты и автопортреты, обнаженные подружки и натюрморты. Всё это открытая, кровоточащая душа. Душа, а не плоть. И во всех этих работах крик обездоленного человека.

У каждого своя биография. Но, пожалуй, никто с такой почти детской непосредственностью не раскрывает, не распаивает, как Давид Тихолуз. На многих своих работах (одна из них и сейчас передо мной, когда я пишу эти строки) на обороте картона, холста, бумаги он пишет: *одессит, художник, еврей*. И в этой триаде уже многое о нем сказано. А если подробнее...

Давид Наумович Тихолуз родился в Одессе в 1955 году. Поступил в Одесское художественное училище со сложившимися эстетическими предпочтениями. Еще многого не умел, но точно знал, чего хотел. Воспитывал его дядя, художник одесского Худфонда Блудберг, не реализовавший свое творческое предназначение, и поэтому всего себя отдавший воспитанию в племяннике художника. Тогда, в семидесятые годы, доказывать право на свое видение мира в Одесском художественном училище было трудно. Художница Светлана Крижевская вспоминает, каким был Давид Тихолуз в училище. Всегда вроде бы отстраненный от реальной жизни, напряженный, кажущийся несладким. Но все это исчезало, когда он подходил к холсту. Появлялась уверенность, собранность, улыбка на лице. И результат — яркая, выразительная живопись...

Но были педагоги, которые понимали, что Давид (Додик, как в Одессе было принято называть всех Давидов) — отличный живописец. И именно благодаря таким художникам, как Юрий Коваленко, Владимир Криштопенко, студент Давид Тихолуз получил диплом. Значил ли он что-либо в его жизни? Скорее, нет. Он как был, так и остался художником андерграунда. И лишь

в последние годы новое поколение коллекционеров обратило внимание на его живописные работы.

Озарение и сегодня не покидает Тихолуза у холста. Он погружается в свои мысли, свои переживания, свое понимание красоты и создает экспрессивный, чувственный мир. Мир, полный тревоги. Он пишет "на разрыв аорты". Густой замес его палитры, порою экстаическое движение мазка словно пытаются сохранить, спасти в предчувствии катастрофы от "гибели всерьез", словно уносимые ветром деревья и цветы, милые его сердцу покосившиеся дома тихих будничных улиц, прекрасную и в своей незащищенности человеческую плоть. Остановить этот всепожирающий вихрь, смерч уничтожения кончиком своей кисти, сохранить этот прекрасный и беззащитный мир — нет, кажется, для Давида Тихолуза иной миссии, иного предназначения художника. Уже не пепел Клааса, а пепел Холокоста стучит ему в сердце...

Можно много говорить о национальной ментальности. Но, думаю, еврейский дух точнее всего передал художник-экспрессионист Хаим Сутин. Признание к нему пришло довольно поздно. Его картины отпугивали многих современников. Если Шагал был гениальным визионером, сказочником, с картинами которого было комфортно жить в ностальгической тоске по уходящему миру еврейского местечка, то Сутин был гениальным трагиком, заглянувшим в бездны ада. Перед смертью Амедео Модильяни "завещал" коллекционеру Леопольду Эбровскому берег Хаима Сутина. Для нашего поколения этого художника вновь открыл Илья Эренбург. Вот и Давид Тихолуз смог приблизиться к творчеству великого художника, пусть опосредованно, в репродукциях, но все же "услышать" этот трагический голос. Не об этом ли писал в посвящении Хаиму Сутину Булат Окуджава:

*То ли мед, то ли горькая чаша,
То ли адский огонь, то ли храм,
Все, что было его, — ныне ваше.
Все для Вас. Посвящается Вам.*

Именно как завещание 20-го века воспринял Давид Тихолуз искусство Хаима Сутина. Это было искусство для него. В нем он читал и свою жизнь, и свою судьбу, и жизнь своего народа. Нет, он не подражает Хаиму Сутину. Думаю, что это и невозможно.

Не подражает, а продолжает.

И это определило его путь. Ведь и он видел жестокость жизни. Об этой жестокости и кричат его произведения. Совсем не обязательно, как Эдвард Мунк в одной из самых своих знаменитых картин "Крик", показывать кричащее лицо женщины — кричать могут улочки нашего города, натурщицы, стыдящиеся своего тела, цветы, вырванные из земли.

Давид Тихолуз — художник стилист. Он ощущает, как ветер ломает устои жизни, он в каждой картине не рассказывает историю чьей-то судьбы, а скорее, предупреждает, что если век двадцатый был железным, то век двадцать первый может стать опять каменным.

Сутин рассказывал Модильяни, что с ним по ночам беседует Веласкес. Кто беседует по ночам с Давидом Тихолузом? Рембрандт? Сутин? Во всяком случае, перед лицом таких собеседников возникает нетерпимость к малейшей фальши, к картинной красивости.

Меняется время. А со временем меняемся и мы. И сегодня я могу сказать, что Одесса дала миру не только художников греческой, русской, украинской, но и еврейской ноты.

Не будем перечислять имена ушедших. Среди нас живет, находится в расцвете творческих сил одесский экспрессионист Давид Тихолуз.

